

Ю. И. СОЛОВЬЕВ

«В СОТРУДНИЧЕСТВЕ ОСУЩЕСТВЛЕННОЙ НАУЧНОЙ РАБОТЫ НАС ЖДУТ УСПЕХИ...» (А. Н. Несмеянов — президент АН СССР в 1951–1961 гг.)

В ночь на 25 января 1951 г. ушел из жизни президент АН СССР академик Сергей Иванович Вавилов.

Через несколько дней после похорон в кабинете директора Института органической химии АН СССР академика А. Н. Несмеянова раздался телефонный звонок. Звонили из аппарата члена Политбюро ЦК Г. М. Маленкова и просили приехать. При встрече Маленков спросил А. Н. Несмеянова, «как бы он отнесся к возложению на него обязанностей президента Академии наук СССР». «Я ответил, — вспоминал А. Н., — что от такой чести не отказываются, но счел необходимым изложить то, что может мне помешать принять столь почетную обязанность... Я сказал, что в 1940 г. был арестован мой брат (Василий Николаевич Несмеянов. — Ю. С.), и судьба его до сих пор мне неизвестна*». На Маленкова это не произвело ни малейшего впечатления. «Разговор показал мне ясно, что это дело решенное. Конечно, без соответствующего решения Политбюро разговор со мной вряд ли мог состояться» [1, с. 141].

Выбор кандидатуры А. Н. Несмеянова на пост президента АН СССР не был случайным. Для этого были все основания.

К 1951 г. А. Н. Несмеянов был широко известен как выдающийся ученый-химик, автор многочисленных оригинальных работ в области металлоорганических и элементоорганических соединений [2–5].

Он проявил себя и как талантливый организатор науки [6]. С 1939 г. Несмеянов — директор Института органической химии АН СССР, с 1943 г. — действительный член АН СССР, в 1946–1948 гг. — академик-секретарь Отделения химических наук, в 1948–1951 гг. — ректор МГУ, в строительстве которого на Ленинских горах он принимал самое активное участие, в 1947–1956 гг. — председатель Комитета по Государственным премиям СССР при Совете Министров СССР.

На любом посту он выполнял свои обязанности как талантливый руководитель. Но наиболее ярко проявились его способности организатора науки в роли президента Академии наук СССР. Десять лет он стоял за штурвалом огромного академического корабля. Здесь проявились его высокие моральные качества, приобретенные воспитанием и трудом [7].

Роль научного руководителя, по мнению Александра Николаевича,

должна походить на роль садовника, удобряющего растущее растение, следящего за его ростом, сажающего новые растения, подрезающего сухие ветки. Это — необходимые функции садовника, которые мало популярны у нас в Академии наук, всячески способствующие росту этих растений науки [1, с. 184].

16 февраля 1951 г. на Общем собрании АН СССР состоялись выборы нового президента АН СССР [8]. Избранный единогласно (117 из 117 голосовавших), А. Н. Несмеянов обратился к собранию с краткой речью.

Я благодарю вас за то исключительное доверие, которым вам угодно было меня почтить. Эта честь тем более для меня тягостна, что я отчетливо понимаю, что она совершенно мною не заслужена.

* Расстрелян в июле 1941 г., посмертно реабилитирован в 1952 г. — Ю. С.

Трудны и ответственны обязанности президента Академии наук... Эти обязанности нес с таким достоинством и честью незабвенный Сергей Иванович. Его беззаветное служение науке, его многосторонний талант ученого, выдающиеся способности организатора науки во многом способствовали подъему Академии наук на новую ступень высоты.

Сергей Иванович, крупнейший ученый в ведущей области науки и талантливый организатор, был в то же время выдающимся творцом в области философии естествознания, историком науки, знатоком Академии наук и ее истории, прекрасным лингвистом, любил и знал книгу и издательское дело.

Я полагаю, что никто не мог бы заменить Сергея Ивановича на его посту полноценно. Но это в особенности справедливо в отношении меня: я не обладаю ни одним из выдающихся качеств Сергея Ивановича.

Единственный выход состоит в том, чтобы эту недостающую многогранность президента восполнить дружной работой коллектива. Позвольте мне рассчитывать на такую постоянную помощь, на усиление коллективного начала в деятельности Президиума Академии наук и Академии наук в целом [9, с. 28–29].

1 февраля 1952 г., подводя итоги своей работы за год, А. Н. Несмеянов на Общем собрании АН СССР сказал:

Основным вопросом — вопросом здоровья и процветания Академии — является вопрос о связи ее всеми корнями с крупнейшими узловыми проблемами практики, нашей промышленности, нашего культурного строительства. Но крупные и узловые вопросы можно решать только крупными, хорошо координированными и по современному вооруженными силами. Я думаю, что Академии следует создать институты биофизики, химии биогенных соединений и белка и поднять работу по остальным названным и им подобным разделам науки... Не сомневаюсь, что нам следует создать специальный Институт электроники... Я полагаю также, что с целью лучшей организации труда в науке полезно создать такие новые учреждения Академии, имеющие цель общего централизованного обслуживания науки, как вычислительный центр с мощной машинной вычислительной техникой, как Институт научной информации. Этот Институт должен иметь функции выпуска исчерпывающего реферативного органа, издаваемого по разделам науки, снабжения микрофильмами и фотокопиями, разработки машинной техники научной информации, выпуска справочников и т.д. Нужно подумать о создании и других подобных учреждений, позволяющих лучше организовать научный труд [10, д. 84, л. 14–16].

Инициатива президента осуществилась в 1952–1954 гг., когда в системе АН СССР были организованы Институт биологической физики (1952), Институт радиотехники и электроники (1953), Институт научной информации (1952), который стал выпускать многосерийный «Реферативный журнал» по всем основным отраслям науки. В 1956 г. Институт был реорганизован во Всесоюзный институт научной и технической информации (ВИНИТИ) Академии наук и Государственного комитета по делам науки и техники при Совете Министров СССР. Задачи его были существенно расширены и распространены на область технической информации.

В конце 1953 г. президент вплотную занялся составлением перспективного плана научно-исследовательских работ в Академии наук. В его основу легла мысль: Академия наук должна быть «теоретическим вождем в науке». Главная ее задача — развитие фундаментальных исследований «на перекрестке» наук:

Особенно плодотворными областями науки, рождающими новые, являются области их соприкосновения, области проникновения методов одной науки в другую [1, с. 183–184].

В 1953–1954 гг. Академия наук по указанию Совета Министров СССР провела большую по трудоемкости и важную по значению работу, связанную с составлением перспективного плана научных исследований на предстоящие 15 лет. По инициативе президента были созданы «бригады» из ведущих ученых различных специальностей, которые в короткий срок составили «записки», прогнозирующие развитие своих областей науки на это время. В 1954 г. в серии «Проблемы советской науки» эти записки в виде отдельных брошюр были опубликованы и представлены в Совет Министров, а затем направлены на рассмотрение Госплана и целого ряда министерств, которые были заинтересованы в разработке соответствующей научной проблемы.

Анализ этих записок и властные требования жизни определили основные направления научно-исследовательской работы Академии наук на ближайшие годы. Для разработки было намечено свыше 65 научных проблем. Определяя стратегию развития науки, А. Н. Несмеянов особое внимание обратил на взаимодействие естественных наук и широкое использование новых методов исследования.

Многим запомнилось образное сравнение, высказанное А. Н. Несмеяновым в феврале 1954 г. на Годичном собрании АН СССР:

Войну за завоевание природы, которую ведет наука, можно уподобить штурму многоэтажного здания. Взяв нижний этаж, наука пробивает дорогу в следующий этаж, начинает распространяться по нему и далее ищет дорогу в следующий верхний этаж. Более просто, ясно и легче планируемо, скорее дает экономический эффект распространения по этажу. Гораздо труднее, но гораздо глубже по народно-хозяйственному эффекту, хотя и более отдаленному, переход в следующий этаж науки.

...Наука, подобно растению, имеет в каждую эпоху свои преимущественные точки роста. Сейчас, например, преимущественными точками роста в физике, по крайней мере одними из них, являются физика атомного ядра и физика полупроводников. А в начале века это была спектроскопия. Эти точки роста и определяются как требованиями и состоянием практики, производства, так и ходом развития наук и особенно взаимодействием наук друг с другом. Обычно мощная помощь одной науке приходит со стороны другой. Вот почему преимущественные точки роста науки находятся часто на стыке наук.

Необходимо всемерно обеспечивать взаимодействие наук и культивировать молодые пограничные науки, обеспечивая тем точки роста. Однако нужно помнить, что пробиться во второй этаж науки можно, только твердо укрепившись в первом ее этаже, всемерно соприкасаясь, находясь в гуще практики и ее интересов.

В деятельности Академии наук должна быть гармония обоих направлений исследований. Академия наук должна оказывать всемерную эффективную помощь народному хозяйству, прилагая имеющиеся достижения науки, совершенствуя и углубляя их в плане распространения по этажу. Но Академия наук должна помнить, что на ней, как ни на ком, лежит трудный долг атаки следующего этажа, что без нее эта задача не может быть выполнена [10, д. 98, л. 18–20].

А. Н. Несмеянов одним из первых обратил внимание на стык гуманитарных и естественных наук. 20 октября 1955 г. на заседании Президиума АН СССР он говорил:

Может быть, впервые в истории человечества мы присутствуем при стыке гуманитарных наук и естественных наук. Первый такой стык — это в области физиологии высшей нервной деятельности: физиология и педагогика, физиология и психология. Мы неуклонно и достаточно организованно должны ожидать рождения чего-то глубоко нового на этом гигантском стыке [10, д. 98, л. 22].

По его мнению,

настало время, чтобы экономисты шли учиться у математиков, что может дать страшную силу! Я представляю себе, что в вычислительную электронную машину можно заложить громадное количество тех сведений, которые являются первичными для экономистов. В области конкретной экономики возникает совершенно новая эра [10, д. 185, л. 27].

Следовательно, задача дня — широкое применение быстродействующих электронных вычислительных машин в науке, технике, автоматике, в народном хозяйстве.

Для обеспечения необходимых условий развития гуманитарных наук руководство Академии организовало ряд институтов гуманитарного цикла. Так, в 1956 г. был создан Институт мировой экономики и международных отношений, реорганизован и получил дополнительную материальную базу Институт востоковедения — один из самых крупных институтов гуманитарного цикла. Из состава этого Института был выделен Институт китаеведения. В 1958 г. Президиум Академии наук принял решение о создании Института русского языка, которому предстояло сыграть крупную роль в изучении современного русского языка и его истории.

Величайшее наше сокровище — русский язык — должен быть взят под охрану.

У нас есть комиссия по охране природы. Там вопрос идет о лесах и реках. Но русский язык не меньшая ценность, чем реки и леса [11, л. 118].

Эти слова Несмеянова и ныне звучат весьма актуально.

Президента серьезно беспокоило состояние общественных наук. Воспользовавшись образным выражением, он сказал, что «философы наши предпочитают ограничиваться компасом, действующим безотказно, но не способным двигать корабль вперед». Философ П. Н. Федосеев по этому поводу высказался так: «Основная задача философии — стоять на страже».

Не стоять на страже, — ответил ему президент, — а взять оружие и сражаться! (Ап-лодисменты). Притом не оборонительно сражаться, а наступать. А этого-то мы и не видим... Мне кажется, дело не в том, чтобы сформулировать так, что такие-то и такие-то новые физические или биологические, или какие-то еще иные открытия подтверждают диалектический материализм. Что его подтверждать. Дело не в подтверждении, а в развитии, в движении, во впитывании в диалектический материализм всего того нового, что дает естествознание, что дает развитие общественных наук. Вот этого мы ждем от самих себя и от наших обществоведов [10, д. 109, л. 36].

Новые научные задачи требовали и новых организационных решений. В 1954–1955 гг. А. Н. Несмеянов и его ближайшие помощники провели существенную перестройку работы Президиума Академии наук и его аппарата, предоставляя ученым специалистам больше возможностей для решения различных вопросов. Были созданы оперативные отделения, направляющие науку не только собственных институтов, но и филиалов, влияющих на развитие науки в пределах данного круга дисциплин в Академиях наук союзных республик и в отраслевых институтах. Согласно постановлению Президиума АН СССР от 7 января 1955 г. «Об улучшении структуры и сокращении аппарата АН СССР» в Академии наук было создано восемь отделений: Отделение физико-математических наук, Отделение химических наук, Отделение геолого-географических наук, Отделение биологических наук, Отделение технических наук, Отделение исторических наук, Отделение экономических, философских и правовых наук и Отделение литературы и языка.

Основная цель Отделения как организационного центра — объединение ученых одной или нескольких отраслей науки и руководство деятельностью входящих в его состав институтов и других научных учреждений.

Возглавив Совет по координации научной деятельности Академий наук союзных республик, А. Н. Несмеянов уделял большое внимание этой работе. Основную задачу Совета, так же как и С. И. Вавилов, А. Н. Несмеянов видел в согласовании планов исследований и координации научной работы.

Трудно преувеличить значение этой консолидации, — говорил президент. — Только на пути объединенной, разумно и точно координированной, в содружестве осуществленной научной работы нас ждут успехи... Академии республиканские не должны повторять ни Союзную Академию, ни друг друга. Они в целом должны составлять оркестр, в котором каждая академия имеет свое собственное звучание, причем мы хотели бы видеть институты академий союзных республик такими, чтобы они играли в какой-то определенной области первую скрипку [12, л. 51].

На базе филиалов АН СССР были созданы Академии наук в Туркменистане (1951), Киргизии (1954) и Молдавии (1960).

В 1952 г. Совет координировал научную деятельность 12 Академий наук, которые включали 378 научных учреждений, 322 действительных члена, 279 членов-корреспондентов, 800 докторов и до 6000 старших и младших научных сотрудников. Академии наук союзных республик разрабатывали 836 проблем, включающих 3438 тем.

Быстрый рост количества научных учреждений и числа научных работников имел и отрицательную сторону, которую заметил президент. Его беспокоило то, что при огромной численности квалифицированных ученых немного можно назвать имен, обогативших естествознание в целом или ту или иную широкую область науки крупнейшими открытиями. Причины заключались в политической стратегии. На фоне масштабного освоения нашей промышленностью зарубежных научных достижений силы, которые наша наука тратила на создание собственного фундаментального задела, были невелики. Упор на решение задач, связанных с практикой сегодняшнего дня, в каждом случае в ограниченной конкретной области не способствовал ни развитию перспективных работ, ни расширению научного диапазона.

Индустриализация страны в течение долгих лет требовала громадных вложений в индустриальные вузы. Задача подготовки многочисленных инженерных кадров в 1930–1940-е гг. была решена. Но на определенном этапе движение индустрии вперед стало напрямую зависеть от развития науки, в особенности фундаментальной. Это с наглядностью показала работа, связанная с созданием новой техники, где решающую роль сыграли ученые. Стране потребовались квалифицированные научные кадры, способные поставить на службу промышленности совершенно новые разделы науки, еще не использовавшиеся или мало использовавшиеся на практике. Вот почему подготовка научных кадров высокой квалификации, — говорил президент 27 февраля 1953 г. на заседании Президиума АН СССР,

должна находиться в центре нашего внимания... Кадры высшей квалификации — это такие кадры, как В. И. Вернадский, В. А. Обручев, Н. Д. Зелинский, а вовсе не только начинающие доктора. И мы должны видеть перед собой эту перспективу... Нам не нужны середняки, которые работают «ничего». Они создают серую, посредственную атмосферу в Академии, гасят творческую мысль и пылкость поиска, снижают иммунитет к невежеству [10, д. 137, л. 119].

С годами А. Н. Несмеянов стал замечать опасную тенденцию образования в Академии «затхлых уголков науки», и он не знал, каким ветром проветрится эти уголки. Президент с большим огорчением видел, как Академия пополняется серыми людьми, от которых нельзя было ждать научной отдачи. Он, как и Д. И. Менделеев, боялся, что Академия может стать своего рода синекурой и пенсией за службу науке.

Желание президента «раскрыть шлюзы» для личной и общественной инициативы в жестких рамках партийно-государственной идеологии наталкивалось на тотальный контроль всех его организационных и идейных новаций «сверху».

В сентябре 1956 г. истек пятилетний срок исполнения А. Н. Несмеяновым президентских обязанностей. В связи с этим с 14 сентября по 2 октября 1956 г. во всех отделениях Академии наук были проведены общие собрания, посвященные выдвижению кандидата на пост президента Академии. В качестве такового на новое пятилетие вновь был выдвинут А. Н. Несмеянов [13, с. 3–9].

При этом отмечалась его большая и эффективная работа по руководству Академией наук. Многие из выступавших отмечали, что Александр Николаевич с большой настойчивостью и упорством добивался укрепления материальной базы Академии. За время его пребывания на посту президента было создано 15 новых институтов, среди них Институт природных соединений, Институт эволюционной физиологии, Институт физики земли, Институт физики атмосферы, Институт прикладной геофизики, Институт электрохимии.

При мне, — вспоминал А. Н., — вступили в строй ИОХ, ФИАН, Институт вычислительной техники и точной механики. Вычислительный центр, где разместился и Институт математики им. В. А. Стеклова, Институт металлургии им. А. А. Байкова [1, с. 165].

Был создан ряд гуманитарных институтов экономического профиля, таких, как Институт Америки, Институт Азии и Африки и др. Организация Института научной информации стала общеакадемическим, важным для всей страны событием, инициатором и вдохновителем которого был А. Н. Несмеянов. Ему принадлежала и инициатива создания ставшего впоследствии знаменитым большого академического научного городка в Пущине на Оке близ Серпухова. Отмечалась его руководящая роль в подготовке большого труда «Проблемы советской науки», представленного Академией в правительство в 1955 г. Этот огромный труд под непосредственным руководством Александра Николаевича, представляющий по существу перспективный план развития науки по наиболее важным ее разделам, был сделан впервые за всю историю Академии наук.

13 октября 1956 г. состоялось Общее собрание АН СССР, на котором академик А. Н. Несмеянов вновь был избран президентом АН СССР. Результаты голосования: число голосов «избрать» — 88, «отклонить» — 17. Выборы прошли не столь единодушно, как в 1951 г. В адрес А. Н. Несмеянова высказывались и критические замечания. Академики И. Е. Тамм, М. А. Леонтович и Л. А. Арцимович на общем собрании Отделения физико-математических наук критиковали А. Н. Несмеянова за то, что Президиум не принял решение о создании Института генетики для члена-корреспондента Н. П. Дубинина, что А. Н. Несмеянов не добился коренного изменения положения в биологической науке. Были ли справедливы эти упреки? Думаем, что нет. Те, кто критиковали президента, видимо, не знали, что А. Н. Несмеянов уже давно шел по «минному полю лысенковщины», на котором в конце концов и подорвался.

Как член Президиума (с 1946 г.) А. Н. Несмеянов видел состояние Сергея Ивановича Вавилова — президента АН СССР, на долю которого выпали тяжкие пережи-

вания, связанные с гибелью его любимого брата Н. И. Вавилова в саратовской тюрьме. Антипатии к Т. Д. Лысенко, повинного в гибели выдающегося ученого, у А. Н. Несмеянова возникли именно тогда и остались неизменными.

20 января 1952 г. на расширенном заседании Президиума АН СССР обсуждалась проблема биологических и физиологических закономерностей. Инициатива такого обсуждения принадлежала президенту. С докладом выступил академик Н. Н. Семенов — ученый-энциклопедист. Он сказал:

Теорию Лысенко называют иногда материалистической, а теорию формальных генетиков идеалистической. Такая формулировка представляется мне неоправданной, потому что не могут быть идеалистическими результаты опыта... Отбрасывать теорию из-за того, что кто-либо сделал из нее неправильные идеалистические выводы, это значит выплескивать воду вместе с ребенком... Я думаю, что формальная генетика, преобразованная и видоизмененная сейчас путем применения физики и химии в конкретную генетику, приведет в ближайшем будущем к грандиозным техническим следствиям [14, л. 17, 21]

Эти слова были сказаны еще при жизни Сталина, через четыре года после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., когда генетика подвергалась поруганию и репрессиям.

...Я был достаточно биологически образован, — вспоминал Александр Николаевич, — чтобы понимать трагичность политической ошибки (связанной с сессией ВАСХНИЛ. — Ю. С.). Я полностью прослушал курс генетики, читавшийся приват-доцентом Елпатьевским на биологическом факультете в мое студенческое время, имя Менделя в моем сознании стояло рядом с именем Дальтона. Это были два творца, утвердивших атомизм в химии и генетике. Но я был слишком оптимистом по натуре и был уверен, что Лысенко и лысенкоизм — случайный и скоропроходящий эпизод. Мне не могло прийти в голову, что этот «эпизод» затянется на 30 лет. [1, с. 135–136].

На партийном собрании аппарата ЦК КПСС в декабре 1956 г. А. Н. Несмеянов выступил с докладом «О состоянии и перспективах советской науки за последние 5–6 лет», в котором прямо заявил, что

сессия ВАСХНИЛ 1948 года сыграла отрицательную роль в развитии тех направлений биологической науки, которые определяли пульс биологии... Я считаю, что опыт организационных мероприятий, последовавших за дискуссиями в ВАСХНИЛ 1948 г. и физиологической дискуссией 1950 г., был в основном отрицательным потому, что в закупоренной бутылке наука существовать не может [15, л. 17].

Необходимы свободные дискуссии, основанные на доказательной научной аргументации, а в спорных случаях экспериментальная проверка в условиях специально созданных комиссий, представляющих все мнения [10, д. 108, л. 49–50].

Последнее предложение ударило по самому опасному для Лысенко месту — экспериментальная проверка его «теорий» наследственности независимой комиссией была бы пагубна для него. Но «народного академика» так же, как Сталин, поддерживал Хрущев.

Об отношении Н. С. Хрущева к Лысенко А. Н. Несмеянов вспоминал:

Разговорились однажды мы с И. В. Курчатовым, который был тогда членом Президиума Академии наук, о невыносимом положении в биологии, задавленной лженаукой. Решили напроситься на прием к Н. С. Хрущеву, чтобы поговорить на эту

тому... Как ни пытались мы развить и варьировать тему о задавленности современной биологии, об ошибках Лысенко, наш собеседник... явно скучал... На обратном пути я зашел к управляющему делами Совета Министров, там меня застал звонок Хрущева: «Тов. Несмеянов, только вот что — Лысенко у меня не трогайте, головы рубить будем» [1, с. 169–170].

Такая угроза не испугала А. Н. Несмеянова. Выступая 1 ноября 1957 г. на юбилейной сессии Общего собрания АН СССР, президент заявил, что наиболее революционных событий надо ожидать в биологии, именно в тех ее разделах, которые

изучают элементарные биологические акты, их физику и химию, как на уровне клетки, так и на уровне ткани и органа. Мы можем надеяться на глубокое вмешательство человека в такие явления биологии, как наследственность и размножение, деление клеток, нормальное и патологическое образование тканей, физическая и химическая функция тканей. Все это принесет новые невиданные возможности медицине и сельскому хозяйству [16, с. 35].

Прогноз ученого оправдался.

Новый срок президентства А. Н. Несмеянова ознаменовался крупными событиями в жизни Академии наук. По инициативе академиков М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича было создано Сибирское отделение АН СССР.

18 мая 1957 г. Совмин СССР принял постановление об организации Сибирского отделения АН СССР и строительстве научного городка на берегу Оби близ Новосибирска. 28 марта 1958 г. Сибирское отделение было открыто, и состоялись выборы академиков и членов-корреспондентов по этому отделению. Основную задачу Сибирского отделения А. Н. Несмеянов видел в том, чтобы

всемерно развивать теоретические и экспериментальные исследования в области физико-технических, естественных и экономических наук, направленные на решение важнейших научных проблем и проблем, способствующих наиболее успешному развитию производительных сил Сибири и Дальнего Востока [11, л. 19].

3 октября 1958 г. на общегородском собрании ученых и представителей общест-венности г. Москвы, посвященном годовщине запуска первого искусственного спутника Земли, организованном Московским городским комитетом КПСС и Академией наук СССР, А. Н. Несмеянов выступил с ярким докладом. Свое выступление он начал словами:

Этой датой (4 октября 1957 г.) открывается эпоха завоевания космоса... 4 октября вошло в историю человеческой культуры как решающий рубеж [10, д. 121, л. 12, 14].

Близкое будущее открывает перед нами заманчивые перспективы... Особое значение будет иметь решение проблемы полета человека на спутнике [10, д. 121, л. 27].

Эта проблема была решена 12 апреля 1961 г., когда впервые в истории человечества Ю. А. Гагарин совершил полет в космос на космическом корабле «Восток».

Дальнейшей перспективой, — говорил А. Н. Несмеянов, — является создание межпланетной станции-спутника, на которой было бы возможным продолжительное пребывание значительного количества людей. Связь ее с Землей могла бы осуществляться с помощью специальной ракеты. Создание такой постоянно действующей космической станции далеко продвинуло бы исследования околосолнечного пространства [10, д. 121, л. 28].

Это было замечательное предвидение развития космонавтики. В нашей стране была создана орбитальная станция «Мир», которая с 20 февраля 1986 г. и до сих пор вращается на околоземной орбите с различными экипажами космонавтов на борту. И связь ее с Землей, как и предвидел А. Н., осуществляется с помощью специальных ракет «Протон», которые доставляют на станцию космонавтов, необходимую новую аппаратуру и питание.

Казалось бы, все складывалось благополучно, но в начале 1959 г. над Академией наук нависли «черные тучи»: угроза реорганизации.

В мае 1959 г. на заседании Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущев высказал мнение, что Академия наук чрезмерно разрослась и стала трудноуправляемой. В связи с этим он предложил ее реорганизовать, разделив на несколько академий. Обсуждая этот вопрос с А. Н. Несмеяновым и А. В. Топчиевым (в то время — главным ученым секретарем Президиума АН СССР. — Ю. С.), Н. С. Хрущев предложил выделить гуманитарные науки в отдельную академию, исходя из того, что связь гуманитарных и естественных наук невелика. Все эти предложения не на шутку обеспокоили президента. На заседании Президиума АН СССР 9 сентября 1959 г. А. Н. Несмеянов сказал, что

мы с Александром Васильевичем Топчиевым все время отстаивали точку зрения единства Академии наук Союза ССР... Мы с успехом сумели отстоять позицию, что гуманитарные науки составляют единое целое со всем научным фронтом, и мы никоим образом не можем их выделить, — мы мотивировали это и со стороны философии, экономики, со стороны истории и т. д. Это было принято [11, д. 250, л. 7].

Тем не менее ряд институтов (особенно из Отделения технических наук) пришлось исключить из состава АН и переподчинить промышленным министерствам. И все-таки А. Н. Несмеянов Академию наук от жесткой реорганизации спас.

...В прошлом, — говорил президент 26 марта 1959 г. на Общем собрании АН СССР, — вплоть до последних дней, мы прилагали очень большие усилия к количественному росту Академии наук... но теперь, когда Академия наук стала такой большой, главная задача состоит в том, что нам нужно резко усилить отдачу науки стране, ее народному хозяйству, ее культуре, поднять эффективность научных исследований... Академия наук должна быть в состоянии и иметь смелость брать на себя научную сторону решения самых крупных по экономическому значению, самых революционизирующих народное хозяйство задач [10, д. 123, л. 264–265].

2 февраля 1961 г. на Общем собрании Академии наук СССР, посвященном итогам научной деятельности и внедрению законченных научных работ АН СССР за 1960 г., А. Н. Несмеянов выступил с отчетным докладом, в котором масштабно обрисовал количественный рост Академии и особенности развития отечественной науки в различных ее областях.

Для всей советской науки, — говорил президент, — АН должна в областях науки, ей свойственной, координировать и дирижировать научной деятельностью... Мы можем отметить частичные успехи в области взаимодействия различных научных дисциплин. Такое «стыкование» — важнейшее для подъема науки... Растет взаимодействие физики, химии и биологии. Физика и химия, конечно, никогда не подменяют и не заменяют биологию, но коренным образом обновят и высоко поднимут ее. Этот процесс уже интенсивно идет. Соприкасаются в своей работе физики — специалисты в области твердого тела, магнетизма, высоких давлений с кристаллохимиками и химиками-органиками и неорганиками. Единую семью образуют спе-

циалисты по химии природных соединений и биохимии... За десяток-другой лет нам предстоит много сделать [10, д. 131, л. 102–103].

Такими словами А. Н. Несмеянов закончил свой доклад, не зная, что осталось только три месяца до того дня, когда он покинет пост президента. События последующих дней для него оказались мрачными и оскорбительными.

На одном из заседаний Президиума ЦК КПСС в апреле 1960 г. Н. С. Хрущев упрекнул А. Н. Несмеянова в отдельных недостатках в работе Академии, в частности в том, что Академия, мол, занимается исследованием каких-то мушек.

Я встал, — вспоминал Александр Николаевич, — и кужасу присутствующих и молчаливых членов Политбюро (Президиума ЦК КПСС. — Ю. С.) заявил, что изучение этих мушек чрезвычайно важно для многих отраслей науки. Это было неслыханное до той поры открытое выступление (на людях!) против точки зрения Хрущева. Затем я сказал: «Несомненно, есть возможность сменить президента, найти более подходящего для этой цели академика. Я уверен, например, что М. В. Келдыш лучше справился бы с этими обязанностями». — «Я тоже так думаю», — бросил Хрущев [1, с. 264].

Недовольный Академией наук и ее президентом, отказавшимся поддержать Лысенко, Н. С. Хрущев сказал, что намерен ее распустить. А. Н. Несмеянов ответил:

Ну что же, Петр Великий открыл Академию, а Вы ее закроете [7, с. 208].

Через некоторое время после этого эпизода А. Н. Несмеянова пригласил в Кремль А. Н. Косыгин — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР и сообщил А. Н., что «есть решение в следующие выборы провести в президенты академика Келдыша. Откладывать на длительный срок этого не следует» [1, с. 267].

Александр Николаевичу ничего не оставалось делать, как подать в отставку. 1 мая 1961 г. А. Н. Несмеянов направил в Президиум АН СССР заявление следующего содержания: «В феврале текущего года истек 10-летний срок моей работы в качестве президента АН СССР и, таким образом, истек срок моих полномочий за два пятилетних выборных периода. Необходимо осуществить выборы президента АН СССР на новый срок» [10, д. 134, л. 74]. В своем заявлении А. Н. Несмеянов рекомендовал для избрания на пост президента Академии наук СССР вице-президента АН СССР академика М. В. Келдыша, «одного из крупнейших наших ученых».

19 мая 1961 г. заявление А. Н. Несмеянова обсуждалось на заседании, на котором, помимо членов Президиума, присутствовали директор крупных научных учреждений, первый заместитель Председателя Совета Министров, член Президиума ЦК А. Н. Косыгин, заместитель Председателя Совета Министров, председатель Государственного комитета по координации М. В. Хруничев, академики А. Н. Туполев, Н. Н. Семенов, Л. А. Арцимович, П. Л. Капица, С. П. Королев и др. В своем выступлении академик А. П. Виноградов сказал:

Десять лет тому назад мы отдали свои голоса Александру Николаевичу Несмеянову. За время его президентства Академия выросла, расширилась, укрепила свои филиалы, институты, создала новые институты и значительно изменилась. Через 5 лет мы вновь вернулись к этому же вопросу и вновь отдали свои голоса Александру Николаевичу. Это характеризует наше доброе и глубокое отношение к Александру Николаевичу, и, я думаю, мы вполне вправе сегодня особенно поблагодарить Александра Николаевича за тот труд, который он понес за десятилетнее время исполнения этих тяжелых обязанностей президента [10, д. 137, л. 88].

*На Втором всемирном конгрессе сторонников мира (Варшава, 1959 г.)
Председатель Всемирного совета мира Ф. Жолио-Кюри (справа)
беседует с делегатом от Советского Союза А. Н. Несмеяновым*

Так думали многие ученые, прощаясь с А. Н. Несмеяновым как президентом. Академик А. И. Берг сказал:

Я хотел бы искренне поблагодарить Александра Николаевича за многолетнее руководство Академией и не согласиться с ним, что он уходит потому, как он сказал, что «пила затупилась». Мы этого затупления не чувствуем [10, д. 137, л. 107].

Мало кто из выступавших знал истинную причину ухода А. Н. Несмеянова с поста президента. А она заключалась в том, что «пила» оказалась слишком острой и непокорной Н. С. Хрущеву.

Общее собрание Академии наук СССР постановило удовлетворить просьбу академика Несмеянова об освобождении его от обязанностей президента Академии, при этом сохранив его членом Президиума АН СССР. За многолетнюю плодотворную деятельность академику А. Н. Несмеянову была выражена благодарность.

Так по чужой и злой воле ушел с поста президента разносторонне одаренный человек, обладающий уникальным набором необходимых руководителю и организатору качеств. В нем гармонично сочетались: чувство долга и ответственность, справедливость и требовательность, скромность и деликатность, внимание и доброжелательность к людям, умение широко и масштабно мыслить, тонко понимать живопись, поэзию и музыку. Воспитанный в традициях русской прогрессивной демократии, высоко нравственный человек не впился в волюнтаризм и был им отвергнут.

С именем А. Н. Несмеянова связаны яркие страницы истории отечественной науки, когда происходило быстрое развитие Академии наук после тяжелых военных лет. Многие идеи и предложения А. Н. Несмеянова звучат актуально и сегодня, в дни, когда наша наука находится в сложном положении и в новых условиях ищет пути развития. Выступления А. Н. Несмеянова звучат как яркий пример оптимизма и веры в творческую силу нации.

Литература

1. *Несмеянов А. Н.* На качелях XX века. М., 1999.
2. *Несмеянов А. Н.* Мой путь в химии // Александр Николаевич Несмеянов: ученый и человек. М., 1988. С. 260–354.
3. *Семенов Н. Н.* К 60-летию А. Н. Несмеянова // Вестник АН СССР. 1959. № 9. С. 23–26; № 10. С. 100–101.
4. *Несмеянов А. Н.* Избр. труды. В 4-х т. М., 1959.
5. Александр Николаевич Несмеянов. М., 1974. Материалы к библиографии ученых СССР. Серия химических наук. Вып. 55.
6. Александр Николаевич Несмеянов — организатор науки. М., 1996.
7. Александр Николаевич Несмеянов: ученый и человек. М., 1988.
8. Избрание академика А. Н. Несмеянова на пост президента Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1951. № 3.
9. *Несмеянов А. Н.* Речь при избрании на пост президента Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1951. № 3.
10. Архив РАН. Ф. 2. Оп. 7.
11. Архив РАН. Ф. 2. Оп. За. Д. 184.
12. Архив РАН. Ф. 591. Оп. 1. Д. 212.
13. Выборы президента Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1956. № 2.
14. Архив РАН. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 303.
15. Архив РАН. Ф. 1647. Оп. 1. Д. 167.
16. *Несмеянов А. Н.* 40 лет советской науки // Вестник АН. 1957. № 11.

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ А. Н. НЕСМЕЯНОВА

9 сентября 1999 г. исполнилось 100 лет со дня рождения академика Александра Николаевича Несмеянова — выдающегося ученого с мировым именем, одного из лидеров и организаторов советской и мировой науки нашего века, президента Академии наук СССР.

Александр Николаевич родился в Москве; детство и юность провел в Сокольниках, где его отец — Николай Васильевич Несмеянов, окончивший юридический факультет Московского университета, был директором сиротского приюта.

Мать — Людмила Даниловна Несмеянова — также учительствовала, была художественно одаренным человеком, имела способности к живописи и прикладному искусству. Она оказала большое влияние на формирование личности сына. Именно благодаря ей А. Н. еще в детстве заинтересовался ботаникой и природой вообще. Впрочем, уже в возрасте 13 лет, после того как маленький Шура нашел у бабушки в сарае старый учебник химии Рихтера, химия стала для него серьезным увлечением, сменив интерес к различным ветвям биологии [1, с. 260].

Весной 1917 г. он окончил гимназию Страхова, одну из лучших в Москве, получив аттестат «даром»: экзамены он не сдавал, поскольку они были отменены февральской революцией.